

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

**ДРУГИЕ.
ВОЙНА В ЗАТЕРЯННОМ МИРЕ**

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Другие. Война в затерянном мире / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-699-94045-5

В мае двухтысячного года, обороняясь от наседавших чеченских боевиков, в горной пещере близ Ведено спряталась группа российского капитана Александра Стольников и... пропала. Спустя несколько дней Стольников вышел из пещеры и рассказал своему командованию о том, что его люди оказались в странном, никому не известном месте, и для того чтобы их вызволить оттуда, требуется помощь. Однако Стольникову никто не поверил, его посчитали предателем, бросившим подчиненных на произвол судьбы, и взяли под арест. Что ж, придется капитану бежать из-под стражи и самому спасать своих людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94045-5

© Денисов В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Черданский пехотный полк по традиции был построен буквой «П». Подобное построение происходило много раз, начиная с августа 1820 года, с того самого дня, когда Отдельный Грузинский корпус был переименован в Кавказский. Полк выстраивался, а полковник Лекунов, его командир, а то и сам генерал-лейтенант Ермолов вручали офицерам и солдатам награды за храбрость. Но сегодня не по причине праздника был построен полк. И не для ежедневной проверки личного состава. Беспокойство и тревога царили в полку. Два прапорщика второй и третьей роты первого батальона отправились ночью в аул Кайзехи и были там убиты. А подпоручик второй роты Курилов, что был с ними, сумел бежать из аула, оставив в доме щедрого на выпивку горца саблю. Не по приказу командира отправились эти трое в аул, а из желания раздобыть вина и провести время в веселых воспоминаниях о Петербурге. Может, и не о Петербурге, кто те-

перь правду узнает, ибо по всему видно было, что не в себе подпоручик. Но как бы то ни было, головы прапорщиков были брошены с коня под ноги часовому, который успел только один раз выстрелить, чем и поднял полк в ружье.

И сейчас головы прапорщиков лежали посреди плаца на накидке одного из них, и не видел полк картины печальнее за последнее полгода. Что касается подпоручика, то находился он в палатке, приспособленной под гауптвахту, и дожидался своего часа, как дожидается человек, на прощение не рассчитывающий.

— Видите эти головы? — поднял голос Лекунов, нервно сыграв щекою. — То-то радость отцу и матери. Смотрите, долго и внимательно смотрите на головы эти, — вскричал полковник, — чтобы в ваших головах, от тела еще не отрубленных, мысль светилась ясная и прочная — смерть каждому, кто выйдет из крепости по своему усмотрению!..

Были бы последствия у этого события менее трагичные, и обошлось бы на том, но его превосходительство генерал-лейтенант Ермолов был уже на подъезде. И стоял полк еще два часа, ожидая и не ропща, ибо дешевле выходило страдать на солнцепеке, чем оказаться в немилости генерала.

— Полк, смирно! — вскричал Лекунов, вытягиваясь и становясь выше. — Для встречи справа, на-кра-ул!..

И окаменел Черданский полк, видя, как спешивается у самого плаца и сбрасывает запыленную накидку Ермолов.

Генерал молча принял приветствие, прошел мимо Лекунова и приблизился к месту, где лежали головы. Штабные у периметра плаца присмирили, за Ермоловым идти не решились. И только Лекунов прошел за командующим, остановился за его спиной и стал меньше, что ли. Так и замер, памятником.

Ермолов обвел полк взглядом, потер кулаком подбородок, завел руки за спину, качнулся.

— Половину каждого года я в лагерях и горах, — произнес наконец генерал. — Сплю по четыре часа, ем что придется. Славы никакой. Да и разве добудешь славу с такими воинами? Чьи это головы, полковник?

Признался Лекунов.

— Командиры второй и третьей роты, ко мне! — приказал Ермолов и снял с головы кивер, что носил вместо генеральской шляпы. — И кто тот герой, что в живых после схватки в корчме остался?

Лекунов велел привести подпоручика.

— Где же сабля твоя, русский офицер? — дрогнув лицом, чтобы скрыть оскал презрения, обратился Ермолов к подпоручику:

— Виновен, ваше превосходительство... Казните.

Шагнул Ермолов вперед и выдернул из ножен командира второй роты саблю. На плацу установилась гнетущая тишина.

— Казнить вы сами себя будете.

Ни слова не говоря более, просунул он клинок под левый эполет штабс-капитана Васильева и срезал его, как бритвой. Вставил под правый — и второй эполет упал к ногам офицера. Когда покончено было с подпоручиком Борисовым, Ермолов шагнул к поручику Туше.

— Ваше превосходительство... господин генерал... Алексей Петрович... Я с вами верой и правдой... три года...

— Не в том позор ваш, барон, что эполеты я вам срезаю при солдатах, а в том позор, что голова прапорщика вашего под вашими ногами лежит. — Генерал протянул саблю Лекунову и выдохнул: — В тыл всех троих! А ко мне — старейшин Кайзехи!

Смутное, трудное для Ермолова время было. Не хватало генерал-лейтенанту сил для гарнизонов крепостей, чтобы препятствовать горцам совершать набеги. Большой некомплект в полках был. Войск едва хватало для

экспедиций против горцев. Тогда Ермолов стал просить императора усилить Грузинский корпус тремя пехотными полками и двумя артиллерийскими ротами и присоединить к корпусу 8-й егерский полк, временно находившийся в Грузии.

— А также для крепостей учредить особые гарнизонные батальоны, — просил Ермолов, перед императором стоя.

— И какова же численность их быть должна? — поинтересовался государь Александр.

— Четырнадцать тысяч человек.

Император прошел мимо Ермолова, подумал. Остановился и резко повернулся на каблуках.

— Переменить состав корпуса я не могу, ибо, прибавя к оному число полков, расстрою я устройство прочих армий, коих число и состав определены по зрелым размышлениям... Но...

Ермолов поднял голову и спокойно посмотрел на императора.

— Но усилить же Грузинский корпус предлагаю людьми из десяти полков, присланных вам отсюда, из России. Теперь по поводу прибавки в полки офицеров. Если по сему числу людей вы найдете нужным прибавить и число офицеров, то дозволяется вам на каждую роту прибавить по одному, что составит на полк прибавки двенадцати офицеров. Бо-

лее дать вам я не могу. Не обессудьте, Алексей Петрович. Как там барон Туше?

— Служит, государь.

Разговор этот состоялся три года назад, за одиннадцать месяцев до переименования Грузинского корпуса в Кавказский. Все три года государь неизменно интересовался положением дел у барона, сына брата князя Трубецкого, что, бесспорно, должно было расположить Ермолова очевидными симпатиями к барону. К сожалению для князя Трубецкого, у генерал-лейтенанта Ермолова была плохая память на просьбы, если эти просьбы не были просьбами послать протеже в атаку.

Вернувшись из столицы, Ермолов на совещании говорил командирам полков:

— Для укомплектования по-новому корпуса вместо рекрутов, в которых всегда происходит чувствительная от климата потеря, назначены полки, и им дано повеление расположиться в ближайших губерниях, откуда я мог бы взять их, когда надобно. Моя просьба удовлетворена, но эта чехарда с перестановками сил и средств меня прикончит.

На усиление прибыли следующие полки: Апшеронский, Тенгинский и Навагинский пехотные, 41-й и 42-й егерские и Ширванский, Куринский и Мингрельский пехотные. 43-й и 45-й егерские из Крыма, а также

легкие артиллерийские. Чтобы «избегнуть второй путь тем же войскам», Ермолову предписывалось отправить назад кадры полков, находившихся на Кавказе: Севастопольского, Троицкого, Суздальского, Вологодского, Казанского, Белёвского пехотных, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерских.

Кавказ кишел передвигающимися в различные стороны частями в тот момент, когда чеченцы усиливали набеги на крепости.

Усиленные полки Кабардинский, Тенгинский, Навагинский и Мингрельский пехотные, 43-й и 45-й егерские должны были составить 19-ю пехотную дивизию, а полки Апшеронский, Ширванский, Куринский и Тифлисский пехотные, 41-й и 42-й егерские — 20-ю пехотную дивизию. Кавказская гренадерская бригада оставалась без изменений и лишь усиливалась людьми из гренадерских и карабинерных рот прибывших полков.

Эти события совпали с общей реорганизацией армии, связанной с созданием корпусов на постоянной основе.

Алексей Петрович не желал расставаться со старыми офицерами-кавказцами, отправляя их с кадрами в Россию. Император требовал обратного. Ермолов хитрил.

Ермолов зашагал с плаца — строй шевельнулся.

— Ну-ка, балуй!.. — глухо прохрипел войсковой старшина, и солдаты снова вытянулись в струнку.

— Как он с имя, с их благородиями-то... — шепнул стоявший рядом старый солдат, служивший при Ермолове уж пятый год. — На нашего-то брата руку Лексей Петрович не подымет...

— Как же, не подымет, — пробормотал старшина и вытер усы. — Третьего дня является и спрашивает: «А что у тебя с постами, Якунов, где расположены?» А я возьми да соври. Бо не сам ставил, кухней занят был. Так он ночью пошел и проверил самолично. Да о том я потом узнал, когда он ночью в мою палатку зашел. Слышу — свистнуло... Всыпал мне тридцать горячих нагайкой и ушел молча.

— Да врешь!..

— Истинный крест! Сам считал... Лежу — пикнуть боюсь!.. Хоть через портки, а у Ермолова рука сам знаешь, камень перешибает... И ведь утром хожу я, зад поротый рукой держу... Горит синим пламенем зад-то!.. — простонал старшина. — А он подходит и молвит как невзначай: «А денщик-то у тебя, братец, ужасная свинья. Захожу ночью в твою палатку, а он в твою постель забрался и храпит. Пришлось выпороть скотину». Подбородок кулаком потер, крякнул и ушел.

— Да ты ж не солдат, а старшина, чай, — подумав, возразил ветеран.

— За дело... Нет у меня обиды на генерала Ермолова.

Через два часа в палатку генерал-лейтенанта Ермолова Алексея Петровича ввели шестерых стариков. В ветхих, свалявшихся веритах, в застиранных, потерявших всякий цвет, с лицами, отвердевшими от ветров и дождей, они представляли бы убогое зрелище, если бы не их взгляды. Злые, упрямые, они прятали их. Одного из старейшин ввели за руки, поскольку он был от старости слеп, и его глаза ничего не выражали.

— Вы знаете, кто я? — спросил, положив руку на эфес сабли, Ермолов. Богатырского роста, с загорелым лицом, явно уступающим в уходе штабным офицерам и придворным статским советникам, Алексей Петрович сидел за столом и смотрел ясным взором.

Казачий сотник, чеченец, перевел.

Подумав для приличия, старейшины вразнобой и нехотя закивали.

— Вы хорошо меня знаете? — повторил Ермолов, и сотник перевел.

Головы старейшин вновь пришли в движение. Генерала Ермолова они хорошо знали.

— А теперь, чтобы не было недоразумений и обид, переведи им в третий раз — они *очень хорошо* меня знают?

Старейшины подтвердили, что знают Ермолова очень хорошо.

— Так вот, слушайте меня и не говорите потом, что не слышали. Сегодня ночью в вашем селении Кайзехи были обезглавлены двое русских прапорщиков. Их головы ваши абреки бросили к воротам крепости. Только головы. Но мне нужны и их тела. Ваши люди принесли их мне к трем часам пополудни. — Ермолов убрал руку с эфеса и положил ее на стол, задев бокал. Бордо вылилось на карту и мгновенно превратило окрестности в красное пятно. — Если это не случится, в четверть четвертого рота Черданского полка выйдет из крепости и двинется через Кайзехи до Ведено. По дороге я сожгу все, что горит, а что не горит, то разрушу. Вы поняли меня, нохчи?

Старейшины кивнули. Их вывели за пределы крепости и отпустили.

В четверть четвертого первая рота первого батальона Черданского пехотного полка под командованием штабс-капитана Недоспасова в боевом порядке покинула крепость Грозную и направилась на юго-восток по направлению к Ведено.

— Не проще ли было отправить туда роту Белевского полка, Алексей Петрович? — осмелился спросить командир Черданского полка Лекунов.

Ермолов повел взглядом на полковника.

— Ты радуйся, что не тебе эполеты срезал. Ты нагадил, тебе и подчищать!.. Коня мне. Доложишь о возвращении роты лично!

Пыль клубилась в две стороны от Грозной. На юго-восток уходила рота Недоспасова, на север, к Червлённой, уходил Ермолов со штабом и двумя сотнями казаков.

По дороге в Кайзехи рота вошла в три аула и сожгла их, вырезав по тридцати мужчин от пятнадцати до шестидесяти лет, не тронув женщин, детей и старейшин. К семи часам вечера девятнадцатого мая 1823 года рота Недоспасова приблизилась к Ведено...

Рядовой Сажин, человек к войне не приспособленный, subtilный и неуверенный, шел в строю последним, не подпевал и к ротному барабану не прислушивался. Все это угнетало его существо и приводило в трепет. Полгода назад рекрутированный для службы на Кавказе и переведенный из тылового обеспечения в боевой полк из-за безумных перестановок, он так и не привык к выстрелам и крови. Увлекали его больше не строевой шаг и не стрельба по неприятелю в каре, а чтение стихов молодого поэта Пушкина из Петербурга.

Вот и сейчас, попросив у унтер-офицера Водопьянова разрешения отлучиться по нужде, он отстал от роты, спускающейся в поросшее яблоневыми деревьями неглубокое ущелье.